Д. КЛЕНОВСКИЙ

# Уходящие паруса

Мюнхен
1962

# Уходящие паруса

Того-же автора

«Палитра» стихи. 1917. Распродано.

«След жизни» стихи. 1950. Распродано.

«Навстречу небу» стихи. 1952.

«Неуловимый спутник» стихи. 1956.

«Прикосновенье» стихи. 1959.

Д. КЛЕНОВСКИЙ

# Уходящие паруса

Мюнхен
1962

*МОЕЙ ЖЕНЕ*

Мы все уходим парусами
В одну далекую страну.
Ветра враждуют с облаками,
Волна клевещет на волну.

Где наша пристань? Где-то! Где-то!
Нам рано говорить о ней.
Мы знаем лишь ее приметы,
Но с каждым днем они бледней.

И лишь когда мы всё осилим
И всякий одолеем срок —
Освобождающе под килем
Прибрежный зашуршит песок.

И берег назовется ясным
И чистым именем своим.
Сейчас гадать о нем напрасно
И сéрдца не утешить им.

Сейчас кругом чужие земли,
Буруны, вихри, облака,
Да на руле, когда мы дремлем,
Немого ангела рука.

1961

Не потому, что мне когда-то
О нем рассказывала мать,
Не потому, что Фра Беато
Меня учил ему внимать,

Не потому! — а просто где-то,
В той изначальной тишине,
На грани вспыхнувшего света
Он сам приблизился ко мне.

С тех пор прошли земные сроки,
Которых не произнести.
Я иссушил свои истоки
И расточил свои пути.

И только ты, воспоминанье
О той дожизненной стране,
Вернее веры, ярче знанья
Меня ведешь и светишь мне!

Я помню, помню! Этим словом
Всё решено в моей судьбе!
Мой ангел, спутник мой суровый,
На всех путях, под всяким кровом
Я буду помнить о тебе!

1960

На италийском мраморе плиты —
Простое имя и скупая дата.
Но почему остановилась ты
И вздрогнул я, смущением объятый?

Не потому-ль, что вновь коснулся нас
В своем захолодевшем начертаньи
На плитах всех повторенный рассказ
О жалком человеческом незнаньи.

Смотри: сквозь надпись проступает ложь!
Лгут имена! Нас всех зовут иначе!
Нам роздали их просто как пришлось!
Где то, каким в веках я обозначен?

И даты лгут! Нам миллиарды лет!
Не эти шестьдесят, не эти тридцать!
Обратно нам уже дороги нет,
Но впереди нам не остановиться.

Уйдем отсюда! Что нам говорят
Случайно здесь разбросанные плиты?
Пройдут века — и мы придем назад.
Еще мгновенье — и они разбиты.

1960

Когда я перед зеркалом стою,
Меня томит щемящее желанье
В него войти, проверить жизнь мою
Какой-то новой мерой расстоянья.

Наверно, если в зеркало войти,
Очутишься в пространствах небывалых,
Где всё не так, как на земном пути,
И где быть может легче для усталых.

Там тишина конечно и покой,
А если где и сбереглись рояли —
То можно, не коснувшись их рукой,
Любое вспомнить, что на них сыграли.

Мне кажется, что там всегда светло.
Все зеркала — хранилища сияний.
О, сколько в их глубинах расцвело
Земных огней и солнечных касаний!

Ты не найдешь там горестных могил
(Ведь зеркалам нет до трагедий дела!),
Но непременно ту, что ты любил —
Она так часто в них тогда гляделась!

Но как туда войти? Как отыскать
Запретный путь в такое новоселье?
Какое слово надо прошептать?
Поклясться чем? Хлебнуть какого зелья?

Вот так и смерть встает передо мной
На зеркало огромное похожей,
Такой-же неподвижной и немой, —
И кто мне, кто в нее войти поможет?

Что если, дерзновеньем окрылен,
Я кинусь к ней и вдруг, в последней муке,
Лишь битого стекла услышу звон,
Увижу в кровь изрезанные руки?

А может быть простое слово есть?
Чуть слышное... И надо лишь неспешно
Приблизиться и слово произнесть...
И вот вошел я и уже не здесь,
А там, в краю зеркальности утешной!

1961

Заложница несбыточной мечты!
Моя душа! Всё променяла ты
На право быть невольницею этой!
Ну что-же! — каменные плиты мерь,
Оглядывайся на глухую дверь,
Тянись к окну под потолком и сетуй!

И вот за это всё тебе дана
Никем не тронутая тишина,
Никем не смятый луч через решетку,
Ни с кем не разделенная звезда,
А в каждодневном хлебе иногда
Нездешней преломленности находка.

1959

Пока мой ангел на плечо
Кладет мне руку бережно,
Я знаю, что не всё еще
И не совсем потеряно.

Но невозможно распознать
Его прикосновение,
Не отличить, не угадать
Чудесного мгновения.

Оно не радость, не испуг,
Не видится, не слышится,
Оно лишь в том, что сердцу вдруг
Чего-то легче дышется.

1960

Мы потому смотреть на небо любим,
Что поиски пространства — наш удел,
И навсегда дано в дорогу людям
Томленье душ и нетерпенье тел.

Так прежде мы на океан смотрели,
Материки предчувствуя вдали,
И бредили открытьями америк,
И в бездну вод кидали корабли.

Теперь опять томит нас жажда далей,
Их древний зов в крови еще не стих!
И чтоб они нам звезды разыскали —
Кидаем в небо посланцев своих.

И только на какой-нибудь планете,
Где светят три смарагдовых луны,
Иль по дороге к альфе или бете
Какой-то звездной золотой страны —

Поймем мы наконец, что подвиг странствий
Загадок всех еще не разрешил,
Что мы забыли об одном пространстве —
Пространстве нашей собственной души;

Что миллиарды лет скитаясь с нею,
Мы к ней самой свой потеряли след,
И до нее нам дальше и труднее,
Чем до америк и до андромед!

1960

Стала жизнь что сон перед рассветом,
Этот чуткий, этот хрупкий сон.
Спишь еще, но знаешь: мягким светом
Занялся далекий небосклон.

И тяжелых век не подымая
Чувствуешь: он в комнату вошел,
По предметам, их не задевая,
Расстелил свой сероватый шелк.

Подождать — и неизбывным светом
Озарится узкая кровать,
И досадно только, что об этом
Не успею никому сказать.

Вот за дверью кто-то шевельнулся . . .
Постучат, откроют и войдут . . .
Но того, что я уже проснулся,
По глазам закрытым не поймут.

1960

Время! Спутник мой таинственный
На моих земных путях!
Враг смертельный! Друг единственный!
Наслаждение и страх!

Кто-то умный (не оспаривай!),
Но конечно не поэт,
Объяснил, что ты лишь марево,
Что тебя и вовсе нет.

Пусть! Но раз еще мы связаны
С нашей медленной землей —
Мы с тобой дружить обязаны
И дрожать перед тобой.

Я тебя в беспечной младости
Не берег и не ценил,
Лишь сейчас, и то без радости,
Огорченно полюбил.

И слежу вперед известное:
Как, не глядя мне в лицо,
Всходишь ты чужой невестою
На соседнее крыльцо.

1961

Предутренняя болтовня дроздов
Вновь для меня была как избавленье.
Он заглушен, ночной томящий зов
Сомненья, горечи, недоуменья.

И в створки окон брошен мне опять
Клочек зари на возвращенном небе.
Как мало нужно нам, чтоб устоять,
Чтоб дальше жить! Всего лишь птичий щебет!

1959

Как в море камешек простой
И свеж, и чист, и ярок!
Но ты несешь его домой —
И блекнет твой подарок.

И ты ему уже не рад
И отшвырнул... — Послушай:
Ну он-то разве виноват,
Что ты живешь на суше!

1960

Звенит лазурь, и ветры вторят,
И влага пенится легко,
Но то не воздух и не море
И не сейчас и далеко.

То лишь предчувствие чего-то,
Что мне обещано потом
И прозвучало словно нота
Под неуверенным смычком.

Мираж? Мечты? А если всё-же,
Рассудку вопреки, оно
На то, что ждет меня, похоже
И мне взаправду суждено?

Как не принять его и даже
Не слиться в радости одной —
Ты скажешь мне: с земным миражем? —
А может с правдой неземной?

1960

Мне больше ничего не надо,
Ни даже девушки влюбленной.
Но если-б мягкий сумрак сада
И чтоб туда сойти с балкона,

И где-то в глубине аллеи
Густой сирени куст высокий,
И там, от радости шалея,
Сложить наивнейшие строки!

Не те, где мне сейчас так трудно,
Где сердце мечется и молит,
А те, где юность безрассудно
Себя влюбленностью неволит.

Влюбленностью в весенний вечер,
В звезду, в страданье, в незнакомку —
В тебя, что девушкой навстречу
Ко мне торопишься в потемках.

1961

Есть русское слово «родная»,
Которого нету нежней.
Где этого слова не знают —
На целую радость бедней.

В душе оно свято хранимо,
На людях его не слыхать,
И даже не всякой любимой
Его ты захочешь сказать.

Когда до последнего края,
Родная, с тобою дойду,
Когда на прощанье, родная,
Последнее слово найду —

То будет им снова и снова,
На всё мое счастье в ответ,
Вот это заветное слово,
Нежнее которого нет.

1960

Я всё тебя искал. Я долго шел
По всем тропинкам, будто-бы без дела
И вот тебя я так и не нашел —
Лишь ту скамью, где ты тогда сидела.
И я увидел то-же, что и ты:
Пологий холм, траву сухого цвета,
Простые, бледноватые кусты —
Обычный почерк северного лета.
Но тут я вдруг твои глаза обрел,
И я увидел ими мир окрестный —
И странно: он передо мной расцвел
Как свадебный алтарь перед невестой.
Багряным цветом вспыхнули кусты,
Трава взметнулась хризолитом пенным . . .
Кого ждала, о чем мечтала ты,
Что стало здесь всё так благословенно!

1961

Я умер. И часы мои
С руки похолодевшей сняли.
Они еще идут. Они
Еще дышать не перестали.

Они заканчивают бег
Так четко связанный со мною.
А завтра кто-то их себе
Возьмет, связав с судьбой иною.

И вот, не знаю почему,
Но померещилось мне, будто
Они не захотят ему,
Как мне, одалживать минуты.

Они соскучатся по мне,
По вены близкому биенью,
Что, строчкою окаменев,
Становится стихотвореньем.

По тесной дружбе тех ночей,
Когда они со мной не спали,
С цезурой спорили моей
И мой анапест обгоняли.

И вот, чтоб как-то избежать
Непрошенного новоселья,
Они начнут спешить, бежать,
На день опережать неделю;

Соскальзывать с чужой руки,
В обивке прятаться диванной,
С собою наконец с тоски
Покончат, захлебнувшись в ванной.

И будет их в руках вертеть
С досадой часовщик сердитый . . .
Но никому не разглядеть,
Какая тайна в них сокрыта!

1960

## СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

### 1

На Каменноостровском — тишина
И бледность белой петербургской ночи.
Уже как будто в воздухе весна,
Но щедрой стать она еще не хочет.

Лишь изредка, чем ближе тем звончей,
Сухих торцов проснется говор ломкий,
Когда на франтоватом лихаче
Промчится Блок с влюбленной незнакомкой.

Да тротуар уснувший оживет
Под торопливым шагом пешехода.
И снова — тишина. И снова — год
Из тех, что до семнадцатого года.

Зачем я вот не этот пешеход,
Не кучер, что везет на Стрелку Блока,
Не дворник, задремавший у ворот,
Не проститутка, что домой бредет —
Вернулось-бы лишь то, что так далёко!

Тот Петербург, куда возврата нет,
Где в мае ночь бледнее, чем Татьяна,
Где Гумилева затерялся след,
Где пушкинский упавший пистолет
Еще не поднят для ответной раны.

1960

## 2

Не петербургским сизокрылым днем
С тобой сегодня мы идем вдвоем.
Не тот простор и тишина не та,
Не те коня четыре у моста,
Не та ограда и не тот гранит,
И даже снег совсем не так лежит.
Так почему-же вот сейчас, вдвоем,
Нам показалось, что мы снова в нем,
В том городе, где больше нам не быть,
Что больно вспомнить и нельзя забыть...
Не потому-ль, что мы в себе таим
То, что навеки нас связало с ним:
И петербургский сердца холодок
    (его гранит, что серебром намок)
И петербургской речи лад скупой
    (его оград неторопливый строй)
И гордость, что всегда порвет узду
    (его коня четыре на мосту) —
Всё то, чем длится в наших двух сердцах
Наш Петербург, рассыпавшийся впрах.

1957

Как поутру́ заря роняет
Лучи во всякий спящий дом
И словно-бы и не меняет,
Но всё преображает в нем —

Так мне знакомо приближенье
Чего-то, что светлей меня:
Крыла какого-то паренья,
Луча какого-то огня.

И остается мне всего лишь
Принять, поняв его едва,
Прозрачный отблеск чьей-то воли,
Упавший на мои слова.

1960

Вот ты уходишь и не знаешь,
Что взять тебе с собой в дорогу,
И выбирая забываешь,
Что нужно взять совсем немного.

Возьми с собою пруд с осокой,
Сирень и липу у балкона,
Этюд Шопена, строчку Блока
И шепот девушки влюбленной.

Всё остальное лишь обуза
Для памяти и для созвучий,
И пусть тебя скупая муза
Прекрасной скудости научит.

1959

Я вспомнил — и в то мгновение
Я сам был тому не рад —
Что это стихотворение
Я начал лет сто назад.

В парижском кафе, за столиком,
Меж рюмок, локтей и ног.
Писал я и думал: стоит-ли?
И всё дописать не мог.

О чём оно было, жалкое,
Запачканное вином?
Конечно всё только жалобы
И все они об одном .

О том, что мне смерть обещана,
Что в мире нехорошо,
Что вот изменила женщина
С накрашенною душой.

На те-же стихи с досадою
Сегодня смотрю опять.
Сумею-ли я и надо-ли
Их все-таки дописать?

Но если я даже сызнова
От них сгоряча уйду —
Листок мой, вином забрызганный,
Когда-нибудь вновь найду.

И снова, через столетия,
За тот-же возьмусь рассказ...
О, горькие междометия —
Когда я срифмую вас?

1961

Ты дал мне непосильную задачу:
Быть человеком и познать Тебя.
И вот я пробиваюсь наудачу,
На тьму догадок истину дробя.

Но не пробиться, знаю это точно.
Так для чего-ж на звезды я гляжу,
Молюсь Тебе, не засыпаю ночью
И темными стихами ворожу?

Что от всего мне этого осталось,
Что сбереглось к усекновенью дней?
Неудовлетворенность и усталость,
Да сердце бьется глуше и больней.

Иль может быть вот в этом сердцебьеньи
(Как после возвращенья с высоты)
Верней чем в чудесах и откровеньях
Залог того, что существуешь Ты!

1961

Мы с детства са́мого в плену
Всечеловеческой неволи,
За чью-то древнюю вину
Несем ярмо жестокой боли.

Вину людей? Вину богов?
Кто объяснит нам эту тайну?
От тех далеких берегов
Был пройден путь необычайный.

И всё смешалось, поросло
Тяжелой ржавчиной забвенья,
Переплелись добро и зло,
Созданье и уничтоженье.

Поверим, будто мы одни
Всему виною. Ведь иначе
Невыносимы станут дни
В краю небесной неудачи!

1960

Нет, и всматриваться не стоит!
Ведь с собою не унести
Эти звезды, луга, прибои —
Всё и сложное и простое,
С чем мне больше не по пути!

Знаю, знаю: пора пришла мне
Подружиться с коротким днем,
Мелкой речкой, замшелым камнем,
Выкорчеванным скользким пнем;

С равнодушной подругой-палкой,
С шумом медленного дождя —
Всеми теми, кого не жалко
Будет мне потерять, уйдя.

Ну а если и к ним я тоже
Так привыкну, что станут мне
И они всех небес дороже —
Кто мне землю забыть поможет
В безпощадной Твоей стране?

1959

Мы через это все пройти должны:
Какой-то я не досмотрю весны,
Какой-то книги я не дочитаю,
Недопитой оставлю чашку чаю
И незаписанным какой-то бред.
Но так-ли это важно? Разве след,
Что у меня в душе оставят эти
Прикосновенья, может быть заметен?
Царапиной на камне будет он!
Уже я этой жизнью завершен:
Я слеплен, я отточен, я досказан,
Я всеми наслажденьями наказан
И всеми оскорбленьями омыт.
Печать моей земли на мне лежит
Неизгладимо, четко, неизменно,
И нету радостей во всей вселенной
И даже огорчений, что могли-б
Ее застывший изменить изгиб.
О чем мечтать, чего еще бояться?
Одно осталось мне: таким остаться.

1960

Перерастем-ли мы когда-нибудь
Свои тела? Сумеем-ли без тела
Поцеловать, заплакать, протянуть
Друг другу руки, шаг навстречу сделать?

Конечно, это всё придти должно,
Но сколько ждать? Но сколько возвращаться
На землю, чтоб узнать всегда одно:
Что и на этот раз с ней не расстаться.

О, долгое цветенье бытия,
Его ненаступающая осень!
Тысячелетья мне нужны, чтоб я
Свой лишний лист и опознал и сбросил.

И миллионы лет, чтоб отмерла
Моих ветвей — моих касаний — жесткость
И чтобы плоти — моего ствола —
Истлела неуклюжая громоздкость.

Скорей-бы от меня остался мне
Лишь смутный абрис, контур, что бледнеет . . .
Взгляни на тень платана на стене!
В ней всё легко! Как хорошо быть ею!

1960

Простых путей не знаю я
К неутомительному раю,
На перекрестках бытия
Я сторонюсь и озираюсь.

Зовут широкие пути,
Но в сердце смутное решенье,
Что если и смогу дойти
То лишь тропинкою сомненья.

Она теряется в песках,
Но и высоты одолеет,
И я-бы их не отыскал
Когда-б измучен не был ею.

Сомненье! Твой суровый срок,
Твой страшный путь, твой след
кровавый —
Не человеческий порок,
А человеческое право.

Есть вещий смысл в такой борьбе
За приближенье, обретенье,
И каждое мое сомненье
Не новый-ли порыв к Тебе?

1961

И все-таки ответа нет,
Неоспоримого, такого,
Что навсегда оставит след
В душе открытой для иного.

Есть только знаки, имена,
Предположенья и догадки —
Попытки сердца и ума,
Игра в мучительные прятки.

Когда-ж я наконец дойду,
Но по тропинкам, не по схемам?
О, что я дал-бы за звезду
Над задремавшим Вифлеемом!

За воду, что вином цвела,
За след гвоздя в Его ладони,
За ту пушинку из крыла,
Что ангел, пролетев, обронит!

Ведь я всего лишь человек,
Привыкший видеть, слушать, трогать!
Как уместить в мой жалкий век
Мою далекую дорогу!

А если ею не дойти
И все давно иссякли сроки —
Зачем-же ты меня — прости! —
Благословил на путь высокий?

Меня, прохожего, на путь,
Которого страшнее нету!
...Пора упасть... Пора заснуть...
Спасибо, что, велев мне: будь! —
Оставил право хоть на это!

1961

Моя душа! Мой гость «оттуда»!
Ты собралась в обратный путь . . .
Постой! Не поскупись на чудо!
Повремени еще! Побудь!

Но нет . . . Ты расправляешь крылья,
Тебе как будто всё равно,
Ты смотришь мимо . . . Звездной пылью
Твое чело окаймлено.

Я стал немил тебе, я знаю,
С тех пор, как на твои слова
Всё чаще я не отвечаю,
А то и слышу их едва.

Тебе нужна вся свежесть плоти,
Весь жертвенный ее порыв,
Что за тебя собой заплатит
И не иссякнет, заплатив.

А я . . . Но полно! Кто ответит
Мне в подошедшей тишине?
Так повелось уже на свете:
Простор — тебе, разлука — мне!

1961

Когда, увянув, вдохновенье
Осыпет розы на гранит,
Когда душа в изнеможеньи
Пред неизбежным замолчит,

И у ворот тяжелых рая
Я оглянусь в глухой тоске —
Что я скажу тебе, родная,
На том, нездешнем языке?

Ты помнишь, мы учили оба
Его таинственный закон,
Чтоб стал для нас за гранью гроба
И внятен и понятен он.

Но тяжела его наука,
И золотое мастерство
Всепроницающего звука
Еще в душе не процвело.

Не будет оклика оттуда,
И в надвигающейся мгле
Простимся здесь, простимся трудно,
Как все прощались на земле.

1959

Я не искал осуществлений,
Был праздным гостем на земле,
Лишь несколько стихотворений,
Уйдя, оставлю на столе.

И всё настойчивей за это,
Боясь за жребий свой земной,
Меня теперь зовут к ответу
Все те, кто прежде были мной.

И всем им, всем, идущим следом,
Я говорю в последний раз:
Мои друзья! Я вас не предал!
Нигде, ни в чем не предал вас!

Чтоб первозданного горенья
Душа исполнилась опять —
Я должен был стихотвореньем
Молчанье жизни оборвать!

Вновь заструится, срок за сроком,
Ее тяжелое вино,
Но каплей песенного сока
Отныне вспенено оно.

И в каждом новом возвращеньи
Сквозь шум прибоя и грозы
Я уловлю еще шипенье
Моей сегодняшней лозы.

1960

Как будто нечего терять,
А всё-таки не хочется!
Накинь еще годочков пять,
Крылатая пророчица!

С тобой не раз я говорил,
Вымаливал, выклянчивал,
И обещания твои
Звучали так заманчиво.

Вот я пришел к тебе опять
И торг веду сомнительный.
Ну что ты можешь обещать,
Хотя-бы приблизительно?

Еще один концертный зал,
Картину, книгу, статую,
И то, что я не досказал,
Всё тем-же ямбом сжатое?

Еще один глоток вина,
Еще одну Италию,
Еще одну звезду со дна
Вселенной и так далее?

Все эти «снова» и «опять»,
Коль страшный срок отсрочится...

Как будто нечего терять...
А всё-таки — не хочется!

1961

Глаза! Глаза! Пять-шесть недолгих лет
Вы сохраняете еще сиянье
Иного мира, тот нездешний свет,
Ту чистоту, которым нет названья.

А дальше? Для того-ль мы принесли
Издалека прекраснейшую ношу,
Чтоб сразу-же на рубеже земли
Безценный дар был безвозвратно брошен?

Зачем расцвел тот несказанный свет,
Коль всё равно ему здесь нет пощады?
И ждешь ответа. И ответа нет.
И что-то тут опять не так, как надо . . .

1961

На голос легче обернуться,
Чем поспешить ему навстречу.
Пораньше лечь и не проснуться —
Умней, чем коротать свой вечер.

Что это? Лень? Иль пониманье
Недосягаемости целей?
Неумолимое сознанье,
Что все аллеи — облетели,

Что шорох листьев под ногою
Мне и желанней и дороже
Всего, что будущей весною
Меня уже не потревожит.

1959

## ПРИШЕЛИЦЕ

Я на ночь не закрыл окна,
А к утру, словно виновато,
На подоконник гроздь легла
Глицинии голубоватой,
И усиком за шпингалет
Так крепко-крепко зацепилась.
Как оттолкнуть мне твой привет,
Твою настойчивую милость!
Пусть будет ветер — все равно,
Пусть беспорядок натворит он —
Раз ты пришла ко мне, окно
Оставлю для тебя открытым!

1959

Она оправдывалась, та рука,
Она утешить и помочь хотела,
Она легла, тревожна и легка,
Мне на плечо.
                    Рука! Рука без тела,
Мне отказавшая когда-то в нем!
Я сохранил твое прикосновенье,
Твой бережный отказ! С тем давним днем
Я помирился. В жизни есть мгновенья
Горьчайшие, которые потом
Приобретают смысл и очертанья,
И догоревший уголек страданья
Уже не жжет, и на ладони он —
Почти неуловимое касанье.

1959

Сквозь пестроту воспоминанья
И тесноту ушедших дней
Я сохранил очарованье
Далекой юности твоей.

Мне одному она открылась
Неповторимо и сполна.
Ведь никому такая милость
Тобою не была дана!

И от тебя самой сокрыты
Твои далекие черты,
И зеркала давно разбиты,
В которые гляделась ты.

И только я — в душе и плоти —
Храню всё строже, всё нежней
Единственный и верный оттиск
Угасшей прелести твоей.

1959

Как наклевывают птицы вишни,
Те, что всех других спелей и слаще,
Так твои податливые губы,
Знаю я, давно не без изъяна.
Всё-же я тянусь к ним, безрассудный,
Забывая старую науку,
Что наклеванная птицей вишня
Сохнет и твердеет по наклёву,
А у косточки — совсем у сердца —
Есть уже легчайший привкус тленья.

1959

## ОГЛАВЛЕНИЕ